

утраченному навсегда лесу. Не показательно ли, что культура – как мы ее знаем – и расцвела-то именно в Средиземноморье, где растительность начинает меняться и как бы обрывается над морем перед полетом или бегством в свое подлинное отечество...» [Бродский 2003: 60]. Впрочем, неотрывны от таких рассуждений и размышления о себе самом, как, например, оправдывая «поверхностное» описание Венеции, пишет Бродский в «Набережной неисцелимых»: «Я не праведник (хотя стараюсь не выводить совесть из равновесия) и не мудрец; не эстет и не философ. Я просто нервный, в силу обстоятельств и собственных поступков, но наблюдательный человек» [Бродский 2001 (VII): 14].

Так, можно говорить о следующих особенностях открытого автобиографического повествования у Бродского: спецификой его мемуарного текста становится поэтическая субъективность воспоминаний – изначально не предполагается документальной достоверности в описании эпохи, а мотив сохранения памяти напрямую связан именно с попытками фиксации ушедшего как предельно ценного – отсюда вытекает избыточная детализация в описании бытовых мелочей в воспоминаниях о родителях. Немаловажным становится осознанный переход на другой язык: для Бродского писание на ином языке становится способом «освобождения», попыткой избежать влияния на воспоминания о детстве известных стереотипов, а переход к другой языковой парадигме выступает как способ деавтоматизации восприятия, взгляда на воспоминания не только «сквозь года», но и через призму другого культурного кода. Воплощение собственного биографического «Я» становится неотделимо от поэтического.

Литература

- Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том V. СПб. : Пушкинский фонд, 2001.
Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том VI. – СПб. : Пушкинский фонд, 2003.
Бродский И. Собрание сочинений в VII т. Том VII. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001.
Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. Л. : Худож. лит. 1976.
Федорова Е. В. Своеобразие феномена «Проза поэта» (на материале творчества М. Цветаевой, З. Гиппиус, Е. Гуро) / Е. В. Федорова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2010. №1 (177). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-fenomena-proza-poeta-na-materiale-tvorchestva-m-tsvetaevoy-3-gippius-e-guro> (дата обращения: 19.03.2023).

Balandina I. A. The essence of autobiography in the prose of J. Brodsky

Abstract: based on the material of the essay memoirs “One and a half rooms”, “Less than one” and critical articles by I. Brodsky, the nature of the autobiographical narrative in the essay memoirs is investigated. An open type of autobiography is highlighted, explicitly expressed and associated with the poet's reflections on his life path and attempts to consolidate the passing time in the word. The key features of autobiographical narration in Brodsky's essay-memoirs are considered.

Keywords: Brodsky, essay, memoirs, autobiography.

А. Л. Насонов

(научн. руководитель Т. А. Тернова)

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

Автобиографическое начало в очерковой прозе Василия Пескова

Аннотация: в статье речь идет об автобиографическом тексте В. М. Пескова «Речка моего детства», изданном в воронежском журнале «Подъем» (2007, 2015).

Автобиографическое начало проявляется в очерке не только в обращении В. М. Пескова к фактам собственной биографии, но и в привлечении актуального для авторского сознания контекста: исторического, этнографического, экологического. Текст имеет и философский смысл, т. к. опыт пишущего прочитывается в общечеловеческом ключе.

Ключевые слова: В. М. Песков, биографическая проза, очерк

Поэтика реализма предполагает ориентацию на факты «большой» истории, а также обращение к фактам истории «малой», отдельным человеческим судьбам. Аналитический характер, присущий этому литературному направлению, предполагает обобщение реального опыта литератора, осмысление им жизненного материала. В этой связи неслучайным кажется тот факт, что авторы-реалисты нередко используют как основу своего творчества факты собственной биографии и биографии людей, тесно связанных с ними. Так создается значимый для текстов эффект достоверности повествования, обеспечивается доверие читателя к изображаемому.

А. Богатырева, размышляя о месте автобиографизма в творчестве «новых реалистов» З. Прилепина и С. Шаргунова, отмечает, что автобиографические вкрапления в текст придают ему публицистическую остроту. Вслед за Ж. Голенко [Голенко: URL] она понимает автобиографическое начало в художественном тексте достаточно широко: «Условно говоря, вольно или невольно, но творец всегда оставляет в своем произведении черты собственной автобиографии, пусть даже едва намеченные, но все же весьма ощутимые. В то же время многие писатели намеренно создают собственные жизнеописания, порой – честно, порой – надевая маску» [Богатырева: 74].

Цель нашего исследования – выявить специфику автобиографизма в очерке В. М. Пескова «Речка моего детства». Обращение к этому материалу актуально в свете изучения региональной литературы, выявления границ литературы и публицистики, исследования жанровой природы очерка и рассказа.

В. М. Песков – известный публицист, писатель, тележурналист. Его малая родина – с. Орлово Воронежской области. О себе автор писал следующее: «Я – воронежский, хотя почти уже тридцать лет живу в Москве. Птицы считают своей родиной то место, где они, впервые поднявшись на крыло, увидели лес, реку, кусты, приютившее их гнездо. Сюда всю жизнь они будут стремиться. То же самое – у людей» [Песков 1985: 5].

Один из основных у Пескова – сюжет путешествия, причем для автора равно интересны и удаленные территории Сибири, и близкое пространство родного края. Как отмечает М. А. Куроедова, Песков поэтизирует пространство, воспринимая его как живое, неотделимое от природы, животных и растений [Куроедова: 167–171].

По жанру «Речка моего детства» – вариант путевого очерка, в котором не вполне четко соблюдены жанровые границы. Реальная дорога (путешествие по реке Усманка) одновременно становится дорогой воображаемой – в памяти повествователя. Художественная сторона текста преобладает над фактографической. Таким образом, границы жанров очерк и рассказ применительно к этому тексту становятся условными.

Обратимся к замечанию Т. А. Богумил: «Специфические для какого-либо региона темы максимальное воплощение получают в периферийных, в плане художественности, жанрах: очерк (природоведческий, исторический, этнографический), краеведческий рассказ, мемуары и родословные старожилов и т. п. Как и в случае с писателями «второго ряда», здесь эстетическая функция произведения вытесняется репрезентативной» [Богумил: 14]. Высказанная исследователем мысль удачно ложится на текст В. М. Пескова – очерк с актуальной для автора и региона его проживания проблематикой.

Текст «Речки моего детства» высоко оценен издателями и неоднократно переиздавался. Он впервые вышел в «Комсомольской правде» (1970), а затем в разные годы публиковался на страницах воронежского литературно-художественного журнала «Подъем» (2007, 2015).

Автобиографическое начало очерка состоит не только в том, что автор ведет речь о путешествии по родным местам и вспоминает прошлое. Оно проявляется также в обращении

к краеведческому материалу, значимому для личного кругозора Пескова: фактам основания городка Орлов в 1646 г. как крепости для защиты от татар, истории времен Петра Первого, который использовал затоны Усманки для «Малых верфей» при строительстве флота Российского.

Также Песков интересуется историей языка и происхождением гидронима Усманка: «Еще я узнал, – продолжает Песков, – что Усманка – это значит Красивая» [Песков 2007: 206]. И эта красота в понимании автора – красота живая, являющаяся местом проживания (в идеале) человека и животного: «Она оказалась почти единственной речкой в нашей стране, где к двадцатым годам этого века сохранились бобры и где расположен сегодня Воронежский заповедник» [Песков 2007: 206].

В анализируемом тексте как бы два времени: то, в котором разворачивается путешествие, и давнее, которое становится объектом сопоставления с настоящим. Пространство же едино: это берега знакомой Пескову с детства Усманки: «Я исполнил наконец старое обещание, данное самому себе: прошел от истоков до устья по речке, на которой я выросал» [Песков 2007: 204].

Автор подчеркивает одновременно малость и незначительность родной реки, а с другой – ее важность в единых координатах страны: «В наш век все поддается учету. Подсчитали и реки. Их в стране, кажется, двести пятьдесят тысяч. Усманка обязательно попала в это число, хотя речка она и маленькая» [Песков 2007: 204].

На протяжении текста соприсутствуют большое и малое. Так, речка воспринимается Песковым как фактор обретения жизненного опыта, небольшая река из провинциального детства помогает ему освоить большой мир и осознать свое место в нем: «Для меня эта речка была первой и едва ли не главной жизненной школой. Если б спросили: что всего более в детстве помогало тебе узнавать мир? Я бы ответил: речка» [Песков 2007: 204].

Следуя по тропинкам своей памяти, автор опирается на различные воспоминания, лишённые хронологической последовательности: о том, как он купался в этой речке, как нырял или как боялся ее.

В результате совмещения двух временных пластов изображенное дается, с одной стороны, глазами ребенка, а с другой – мудрого человека, смотрящего на все с позиции большого жизненного опыта.

В автобиографических произведениях главным всегда является сам автор, который передает читателю описываемые события посредством своих воспоминаний. В очерке река Усманка является частью этих жизненных воспоминаний, впечатлений, а также предметом исследования: «Усманка течет с севера к югу, а потом делает петлю и течет назад с юга на север. Длина реки – сто пятьдесят километров. Эти сто пятьдесят километров мне с посошком и предстояло пройти» [Песков 2007: 206].

Обращаясь к своему сформировавшемуся жизненному опыту, автор старается найти исток этой реки, который осмысливает двойственно: как поиск пространственной координаты места и как поиск истока нации и отдельного человека, собственной личности: «Началом Усманки я ожидал увидеть родник (думал: напьюсь незамутненной воды и пойду), но я ошибся. Истока речки долго не мог найти. Наконец общим усилием пастуха, двух стариков и молодого шофера место рождения Усманки было предположительно найдено» [Песков 2007: 206].

Личностное значение имеет для автора и экологическая проблематика, затронутая им в очерке: «Между деревнями Московской и Безымянкой лежит понижение, когда-то непроходимое из-за топей, зарослей тальников, камышей, ветел, березняков. Из-за этого «потного места», «кишевшего куликами и утками», тихо и незаметно утекал ручеек, названия которому тут не знали. Теперь «потное место» было сухим» [Песков 2007: 206].

Автор безоценочно фиксирует изменения, происходящие с рекой: «– Это Усманка? – спросил я шофера, гнавшего по дороге машину-цистерну.

– Усманка, – сказал парень.

– А что везете?

– Воду везу на ферму со скважины. Речка у нас вон какая теперь...

Речка была без воды. В любом месте полосу трав можно пройти, не замочив ноги. На несколько километров – сухая степь, и в ней травяной призрак реки...» [Песков 2007: 207].

Автобиографическое начало в тексте позволяет объединить историю страны, историю реки и жизнь человечества, бездумно вторгшегося в экологию природы. Для этого Песков водит в текст множество героев, с которыми встречается во время своего движения по руслу реки. Повествователь расспрашивает их о реке и делает неизменные выводы: речка меняется. «Вот с этой ветлы перед самой войной мы прыгали вниз головой, лет пять назад можно было еще купаться. «А сейчас – тапочки не замочишь...» [Песков 2007: 207].

Главной антитезой в его тексте становится закономерное противопоставление прошлого и настоящего: «Около сорока километров прошел я почти умиравшей рекой. Это были знакомые с детства места, знакомые села: Приваловка, Желдеевка, Енино, Лукичевка, Углянец. В тех местах, где были когда-то лески и нависавшие над водой лозянки, не было теперь ни единого кустика, ни единого деревца. Лугов тоже почти не осталось. Пашня подходила местами до самой воды. Местами побуревшая пашня была брошена, на ней качались чертополохи и малиновым цветом маячил колючий татарник» [Песков 2007: 208]. С помощью грамматических средств (ряда однородных членов, повторяющихся союзов) автор нагнетает ощущение утраты, разрушения прежнего гармоничного мира: «Ни одной мочажины, ни единого ключика не текло в реку. Местами можно было только угадывать руслица пересохших ручьев. Река, прежде кудрявая от растений и таинственная оттого, что в воде все повторялось, как в зеркале, теперь лежала раздетой и беззащитной. Берега, обозначавшие прежнее русло, теперь заполнены были смытым песком. И только посредине песчаной реки текла вода, местами такая мелкая, что были видны спины у пескарей, убежавших от моей тени...» [Песков 2007: 209]. Вода – традиционный для культуры символ: она, живая и текущая, пусть робко и слабо, дает надежду на возрождение дорогого сердцу автора мира малой родины. О его отношении к родной реке говорят использованные в приведенном фрагменте текста уменьшительные суффиксы (*ключика, руслица*). Сравнения (*как в зеркале*) способствуют наглядности создаваемого образа. Использованные эпитеты прямо выражающие авторское отношение к происходящему (*раздетая, беззащитная река*).

Песков своим очерком предостерегает от бездумного отношения к природе, заставляющего расширять пахотные земли в ущерб реке, уничтожать заливные луга. И эта просьба-требование автора, наглядно подкрепленная изображением гибнущей реки, более чем актуально звучит из далекого 1970 года.

Автор призывает к личному отношению к «своей речке» в широком смысле этого образа, поскольку, в конечном итоге, это есть не что иное, как отношение к себе, предкам, нации, истории: «У каждого из нас есть «своя речка» [Песков 2007: 211]. «Неважно какая, большая Волга или малютка Усманка. Все ли мы понимаем, какое это сокровище – речка? И как оно уязвимо, это сокровище?! Можно заново построить разрушенный город. Можно посадить новый лес, выкопать пруд. Но живую речку, если она умирает, как всякий живой организм, сконструировать заново невозможно», – вопрошает КТО? [Песков 2007: 211].

Проблематика текста – экологическая, философская, психологическая – вполне вписывается и в контекст нашей современности. Неслучайно текст этого написанного полвека назад очерка был републикован «Подъемом» в 2015 г. Писатель-публицист В. М. Песков взывает к нам через время: «Реки надо считать важнейшей государственной ценностью. Только так можно уберечь Радость, которую нам дают текущие воды, и возможность в любую минуту утолить жажду. Ибо нет на земле напитка лучшего, чем стакан холодной чистой воды» [Песков 2007: 212].

Литература

Богатырева А. И. Автобиографизм в творчестве «новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова) // Научный вестник ВГАСУ. 2014. № 12. С. 74–82.

Богумил Т. А. «Региональный текст русской литературы: к методологии исследования»

// Воронежский текст русской культуры»: Литературная критика, театральное рецензирование, литературно-критические журналы. Воронеж : ВГУ, 2023. С. 8–15.

Голенко Ж. Каждый текст – автобиография. Вопрос лишь: какая? // «Вопросы литературы» 2013, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/g28.html> (дата обращения - 8.02.2023).

Куроедова М. А. Поэтический синтаксис как средство выражения индивидуально-речевой манеры публициста (на примере очерков В. Пескова) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 68. С. 167–171.

Песков В. М. В гостях и дома / В. М. Песков. – Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1985. 543 с.

Песков В. М. Речка моего детства // Подъем. 2007. № 9. С. 204–212.

Nasonov A. L. *The Authobiographical Principle in the Essay Works of Vasily Peskov*

Annotation: the article is about the autobiographical text of V. M. Peskov “River of my childhood”, published in the Voronezh magazine “Rise” (2007, 2015). The autobiographical beginning is manifested in the essay not only in V. M. Peskov to the facts of his own biography, but also in attracting the context that is relevant for the author's consciousness: historical, ethnographic, ecological. The text also has a philosophical meaning, because the experience of the writer is read in a universal way.

Keywords: V. M. Peskov, biographical prose, essay

Д. А. Гречишкина

(научн. руководитель Т. А. Снигирева)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Автобиографичный сюжет в книге Д. Шеварова «Добрые лица»

Аннотация: в статье представлен анализ автобиографических элементов в сюжетике книги литературных портретов Дмитрия Шеварова «Добрые лица». Автобиографизм рассматривается как системообразующий принцип построения произведения, позволяющий автору позиционировать себя как героя, ведущего повествование. Таким образом автор и герои книги становятся равнозначными участниками повествования. Также в статье проводится анализ способов присутствия автора (в том числе и фактов его биографии) в тексте.

Ключевые слова: Дмитрий Шеваров, «Добрые лица», автобиографический сюжет, письмо, воспоминание, диалог, субъективность.

«Хорошо пишет тот, кто хорошо чувствует» – кредо Дмитрия Шеварова – российского журналиста, эссеиста, прозаика и литературного критика. Он автор ряда книг – «Жители травы» (2000), «За живой водой» (2001), «Освещенные солнцем» (2004), но, несомненно, самая примечательная работа Д. Шеварова на настоящий день – книга портретов «Добрые лица» (2010). Полное заглавие книги – «Добрые лица. Книга портретов. Повествование в 12 тетрадах. Эссе. Очерки. Рассказы. Беседы». Сам автор откомментировал ее так: «...В моей книге около ста очерков-портретов. На обложке так и сказано, что это книга портретов, но скорее это не портреты, а поклоны» [Басинский 2011]. Поклоны людям, которые сформировали Д. Шеварова, которые когда-то помогли, впечатлили, откликнулись.

Под обложкой «Добрых лиц» Д. Шеваров собрал очерки, эссе, рассказы и беседы (некоторые из которых до этого публиковались в «Деловом вторник» или других изданиях), посвященные абсолютно разным людям. В книге на равных правах располагаются